

С. В. АЛЕКСЕЕВ
«Летопись попа
Дуклянина»:
структура
древнесловянского
родословного
предания

Под названием «Летопись попа Дуклянина» в историческую науку введено сочинение, сохранившееся в единственной Ватиканской рукописи XVII века на латинском языке¹. По свидетельству самого текста, латинская версия — перевод или переработка со славянского. Изложение истории югославянских и далматинских земель в памятнике доведено до 1149 года. Известен также меньший по объему, доведенный лишь до 1089 года и отличающийся в деталях текст на хорватском языке («Хорватская хроника»), отношения которого с «Летописью» остаются предметом дискуссии. Название «Летопись» не слишком удачно, поскольку, по справедливому замечанию Ф. Шишича, в памятнике практически отсутствует внятная хронология². С этой точки зрения более адекватно другое предлагавшееся наименование — «Барский родослов». Однако в науке более утвердилось, при всей своей условности, наименование «Летопись попа Дуклянина», и мы будем использовать его.

Первой из вариантов «Летописи» стала известна «Хорватская хроника», бытовавшая в среде местных интеллектуалов уже в XVI веке³. В XVII веке латинский текст стал доступен известным исследователям славянских древностей М. Орбини и И. Лучичу. Первый перевел сочинение на итальянский язык и впервые издал его в этом переводе⁴. Руке второго принадлежит единственно сохранившийся Ватиканский список. И. Лучич же осуществил первое критическое издание текста. В издание вошел и перевод на латынь «Хорватской хроники», выполненный еще в 1510 году М. Маруличем⁵.

И. Лучич первым усомнился в достоверности данных «Летописи», однозначно принимавшейся на веру М. Орбини. Тем самым

он заложил основы критического подхода к ней, преобладающего и в современной науке. Тем не

менее Лучич (а за ним и другие исследователи) не сомневался в датировке «Летописи» серединой XII столетия⁶. Сходных позиций придерживались и позднейшие издатели и комментаторы «Летописи»⁷. Их издания ориентировались всецело на труд И. Лучича. С него же был выполнен первый сербохорватский перевод Й. Суботича⁸. В 1851 году в научный оборот впервые была введена собственноручно «Хорватская хроника», оригинал которой издал И. Кукулевич⁹. Во всех случаях «Летопись» традиционно рассматривалась как древнейший памятник югославянской исторической литературы, относящийся к XII веку.

В дате создания «Летописи» первым усомнился Л. Йованович. Он заключил, что ни латинская «Летопись», ни ее славянский оригинал (вернее, славянские источники) не могут быть отнесены к XII веку. Составление «псевдо-Дукляниновой летописи» в нынешнем ее виде Л. Йованович отнес к XVI веку, выделив два ее источника — «Зетскую летопись», созданную между серединой XIII и началом XVI века, и неизвестную хорватскую летопись¹⁰.

В 1928 году издание по всем известным вариантам (ватиканский текст в печатной версии И. Лучича, перевод М. Орбини, хорватский и латинский тексты «Хорватской хроники») и исследование «Летописи» предпринял Ф. Шишич¹¹. Его издание, при всех вскрытых позднее критикой недостатках, остается наиболее авторитетной работой по исследованию «Летописи» и «Хорватской хроники».

Ф. Шишич твердо датировал создание «Летописи» XII веком. При этом он ссыла-

ся на ее использование в различных далматинских сочинениях XIII–XIV веков. Если некоторые из подобных указаний (например, на «Хронику» архидиакона Фомы Сплитского) выглядят спорно, то другие — вполне основательно. Особенно четко прослежены следы использования «Летописи» (уже в латинском варианте) в подложных грамотах дуклянских князей, созданных латинским духовенством Далмации с начала XIII века¹².

Поскольку уже самые ранние источники, использующие «Летопись», имели дело с латинским текстом, Ф. Шишич пришел к выводу, что славянский и латинский варианты созданы примерно в одно время и, скорее всего, одним и тем же автором. Этому автору он считал славянским (сербским) священником из Дукли, хотя и латинского исповедания¹³. Ф. Шишич сформулировал преобладающую с тех пор идею вторичности «Хорватской хроники» по отношению к «Летописи». По мнению Ф. Шишича, «Хорватская хроника» была создана примерно в XIV веке хорватским автором из области Сплита, патриотом Хорватии, заменившим, в частности, летописные определения «славяне», «славянский» на «хорваты», «хорватский». Источником «Хроники» был, по мнению Ф. Шишича, латинский текст, который был дополнен материалом из хорватских преданий¹⁴.

Историческую ценность «Летописи» Ф. Шишич оценивал двояко. С одной стороны, он признавал легендарный характер многих свидетельств «Летописи» и подтвердил вывод славистов еще XIX столетия о том, что в основе повествования лежат народные предания. Особенно важны выводы Ф. Шишича о невнимательности «летописца» к категориям времени, об условности и надуманности всех встречающихся здесь обрывков хронологии и синхронизаций. Ф. Шишич, однако, указывал на важность для исследователя (прежде всего исторической географии) даже сугубо легендарной первой части «Летописи». Вторая часть (легенда о святом Владимире Зетском) и третья (история дуклянских князей XI–XII веков)

богаче исторической конкретикой, хотя и основана также преимущественно на устных рассказах. В целом Ф. Шишич высоко оценил «Дуклянина» не столько как историка, сколько как писателя¹⁵.

Вопрос об источниках «Летописи» исследовал хорватский филолог М. Медини¹⁶. Он выделил три части латинской «Летописи», восходящие к трем прототипам-оригиналам XI–XII веков. Это «Требинская хроника» (источник первой, легендарной, части), «Легенда о святом князе Владимире» и собственно «Дуклянская летопись». Только последняя содержала в полной мере конкретно-историческую информацию. «Требинская хроника», по мнению М. Медини, независимо использована в «Хорватской хронике».

На издании Ф. Шишича был основан новый сербохорватский перевод «Летописи» хорватского исследователя В. Мошина (с «Хорватской хроникой» в приложении), ставший новой заметной вехой в изучении памятника¹⁷. В своих комментариях В. Мошин в основном следовал концепции Ф. Шишича, однако внес ряд важных коррекций. Последние, в свою очередь, также породили дальнейшие дискуссии, каковыми богата история памятника. В. Мошин усомнился в возможности тождества автора и латинского переводчика «Летописи», а кроме того, указал на вероятность значительных отличий перевода от предполагаемого славянского оригинала¹⁸. Он вслед за М. Медини допустил также, что «Хорватская хроника» независимо от «Летописи» восходит к ее оригиналу. В то же время В. Мошин, как и Ф. Шишич, датировал «Хронику» XIV веком и указывал на происшедшее тогда вне-сение в ее состав последних глав о конце хорватской независимости¹⁹. Тем самым конкретная ценность этих глав, подчеркивавшаяся М. Медини, естественным образом снижалась. В целом же В. Мошин придерживался точки зрения о возможности использования «Летописи» и «Хроники» как историко-географического источника и как исторического источника в отношении событий XI–XII веков.

В Югославии новый этап в изучении «Летописи» открыло издание памятника черногорским филологом С. Миошковичем²⁰. С. Миошкович, не желая ограничиваться работой с изданием И. Лучича, впервые обратился к латинскому оригиналу из ватиканского архива и представил его в своем издании непосредственно — в виде факсимиле. Работа с оригинальной рукописью позволила С. Миошковичу исправить ряд устоявшихся ошибок и произвольных конъюнктур (как И. Лучича, так и позднейших издателей) и предложить собственный, более выверенный, перевод памятника на сербохорватский язык.

С. Миошкович вернулся к идее Л. Йовановича о позднем происхождении «Летописи». Проанализировав источники, связанные с нахождением и бытованием «Хорватской хроники» в начале XVI века, С. Миошкович пришел к однозначному выводу о появлении этого памятника только в конце XV века и происхождении его от латинского текста «Летописи». Установив, таким образом, верхнюю границу создания памятника, он последовательно опроверг ряд выводов Ф. Шишича о раннем использовании латинского текста. С учетом к тому же фантастичности многих данных «Летописи» С. Миошкович отнес ее создание к XIV — началу XV века²¹. При этом идею об ином и более раннем авторстве оригинала С. Миошкович отверг, как, по сути, и саму версию о некоем славянском оригинале собственно дошедшего памятника²². Латинская «Летопись», по мнению С. Миошковича, — целостный литературный памятник, созданный в XIV веке романским автором на основе различных источников, в том числе славянских, устных и письменных²³.

Выводы С. Миошковича вызвали новую оживленную дискуссию, итог которой во многом подвела монография Н. Банашевича²⁴. В работе впервые детальному исследованию подвергся вопрос о соотношении письменной и устной исторической традиции на примере «Летописи», наличие в ней фантастических элементов и путаной хронологии объясняется использованием ее автором фольклора. Н. Банашевич утверждал,

что опровержение С. Миошковичем доводов Ф. Шишича о раннем происхождении летописи не во всех случаях можно считать основательным. Он вновь настаивал на наличии славянского оригинала либо оригиналов памятника и датировал создание «Летописи» в нынешнем виде уже в XII веке. При этом ни Н. Банашевич, ни его сторонники отнюдь не преуменьшали значения текстологической работы С. Миошковича.

Взгляды современной югославянской (как сербской и черногорской, так и хорватской) науки на происхождение «Летописи» суммировал Д. Богданович²⁵. «Летопись» датируется им второй половиной XII века. При этом не исключается наличие в ней отдельных фрагментов XI или даже X века. К X веку ученый относит «Готскую книгу» на славянском языке — повествование о заселении Далмации славянами, использованное в начале «Летописи» и породившее, по мнению Д. Богдановича, ошибочное мнение о целостном славянском оригинале. Временем после 1162 года следует датировать сам латинский перевод, выполненный в Дукле с нескольких славянских письменных источников. Эта точка зрения в целом близка концепции трехчастного деления «Летописи».

В целом нельзя не признать, что вопросы, связанные с происхождением и датировкой летописи, далеки от окончательного решения. Доказанными, видимо, могут считаться вторичность «Хорватской хроники» и (после текстологических штудий С. Миошковича) отсутствие у перевода М. Орбини самостоятельного значения при реконструкции текста относительно Ватиканской рукописи. «Хорватская хроника», созданная не позднее XV века, определяет верхнюю границу своего латинского оригинала. Дата завершения исторического повествования (середина XII века) — нижняя граница его появления. Подробность и относительная достоверность (прежде всего пересечения с византийскими историками комниновской эпохи и соотносимость «летописной» генеалогии с реальной хронологией) последней части «Летописи», видимо, указывают на близость

ее прототипа к описываемым событиям. В то же время первая часть «Летописи», дающая для IX–XI веков многие десятки княжеских поколений, смешивающая хорватскую, сербскую и дуклянскую историю, представляется далекой от реальности. Это, однако, само по себе ничего не говорит о ее датировке.

Наши соображения о происхождении «Летописи» опубликованы²⁶. Они базируются исключительно на единственном нашем источнике — свидетельствах самого создателя латинского текста. В основе этого текста, судя по нему, — памятник дуклянской историографии «Книга Готская», относящаяся, вероятно, ко второй половине XII века. В ней произошла контаминация устных преданий Дукли, Рашки и Хорватии. На стадии самого сочинения или перевода сказалось также воздействие романского далматинского предания. Наконец, древнейшие сказания были переосмыслены автором «Книги Готской» в русле ученой «славяно-готской» легенды, направленной на возвеличение возведенной к древним готским королям правящей династии. Тем не менее «летописцу» удалось создать целостное, почти лишенное внутренних противоречий и довольно рациональное с позиций христианского сознания повествование. Несмотря на очевидные искажения первоначальной традиции в «Летописи», именно ее изучение приводит к продуктивным выводам о характере бытования древнеславянского исторического предания.

В сообщениях «Дуклянина» о первых князьях прослеживается структура, связанная с использованием устных источников разного типа, лишь отчасти обогащенных из письменной традиции. Так, основу повествования о первых пяти князьях составили три отдельных сказания эпического характера — о принесшей славянам власть над Далмацией битве при Темплане, о гибели дуклянского героя-предка Остроила, о приходе болгар на Балканы²⁷. Связывал их простой княжеский перечень, призванный возвести происхождение некой династии ко временам первоначального заселения славянами Балкан. Правление князей, лишь упоминаемых в перечне, но

не являющихся центральными героями сказаний, «Дуклянин» заполняет домыслами и обобщенными характеристиками на основе тех же сказаний и внешних по отношению к устной истории источников (далматинской традиции, «Книги Мефодия»). Кроме того, в ткань труда органично вплетается «готская легенда», фундаментальная для исторической концепции «Книги Готской».

Судя по локализации гибели основателя династии Остроила в Скодре, источник княжеского перечня и как минимум данного сказания — дуклянский. Сербское (возможно, дуклянское) происхождение имеет и привязанное к Владику сказание о приходе болгар и их замирении с сербами. Зачином, введением к перечню, объяснявшим происхождение династии, очевидно, служило известное еще Константину сербское предание о двух разделивших народ братьях-князьях. Сказание же о битве при Темплане практически несомненно хорватское и привязано к Остроилу и его «брату» — готскому королю Тотиле искусственно. Вероятнее всего, это произошло не в устной традиции дуклянского двора, а уже при построении «Книги Готской».

Княжеские перечни хорошо известны как особый жанр исторического экскурса на Руси. К наиболее давним по времени записи перечней (вне летописного текста) относятся списки князей из дополнений и приложений к Новгородской первой летописи младшего извода²⁸. В основе своей некоторые из них могут восходить как минимум к XII столетию. Самостоятельным произведением изначально являлся и список, включенный переписчиком начала XV века в версию «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку. Он построен по локальному, а не по генеалогическому признаку (как и отдельные новгородские списки) и включает киевских князей от Диры и Аскольда до взятия Киева Батуханом в 1240 году²⁹. Самый же древний из сохранившихся списков принадлежит автору или кому-то из редакторов «Повести временных лет», доведен до смерти Святополка II в 1113 году и органически входит в текст летописи под 6360 годом.

Но княжеские списки в своих первоначальных редакциях могут быть и старше летописей. Во всяком случае, с появлением письменности именно перечни такого рода служили во многих странах инструментом для запоминания сообщаемых династийным преданием генеалогических и особенно хронологических данных. Не исключение — и славянский мир. Таков «Именник болгарских князей», легко прижившийся в славяноязычной книжности. Если очистить часть труда первого польского хрониста Анонима Галла, повествующую о языческой эпохе, от общих мест и риторики, то увидим после предания о герое-предке Пясте опять же княжеский список³⁰. Еще рельефнее та же структура предстает у первого чешского хрониста — Козьмы Пражского³¹. Вслед за преданием о Кроке и его зяте, родоначальнике Пржемысле, Козьма приводит краткое перечисление языческих князей — и только после этого передает на латыни связанное с одним из них (не последним) пространное эпическое сказание о войне чехов с соседним племенем лучан.

Итак, и у Козьмы, и у Галла с княжеским списком образует единое целое лишь рассказ об основании династии, обосновывающий ее право на власть. Точно так же и русские княжеские каталоги, даже приложенные к летописи, подчас начинаются с краткого напоминания о призвании Рюрика. Очевидно, это соответствует структуре архаического славянского княжеского перечня и в его устном бытовании — он прилагался, постоянно дополняясь, к преданию о происхождении правящего рода.

С этногенетической точки зрения ближайшим аналогом славянской исторической традиции, очевидно, должна являться традиция германо-скандинавская. В ней жанр «династийной саги», описывающей древнейшую эпоху, достаточно разработан. При этом наиболее архаичный, в традиционном (не латинском) языковом оформлении, вариант представляют исландские «королевские саги». Здесь при описании событий древнейшей истории мы видим (например, в «Саге об Инглингах») ту же стержневую структуру.

В роли стержня выступает скальдическая поэма — расширенный и поэтически оформленный перечень правителей одной династии. На нее нанизываются отдельные предания, наподобие комментариев и расширений к вычурным скальдическим формулам. Стержневая поэма, передающаяся заучиванием наизусть, служит и для запоминания предания, и для связывания отдельных преданий между собой. Отметим при этом важное обстоятельство — и сами предания могли оформляться в поэтической форме. И если вычурно-лапидарный стиль скальдической поэзии, особенно в ранний период ее формирования, для этого годился мало, то к услугам хранителей традиции были эпические «эддические» образцы, также использовавшиеся для сложения родословий и повествований об исторических событиях.

У славян все же, насколько можно судить, дело обстояло несколько иначе. «Стержнем» везде, где он фиксируется, выступал сухой княжеский перечень, прилагаемый к родовому преданию о происхождении династии (как у Козьмы Пражского). В отличие от скандинавского примера перечень не принимал самостоятельной литературной формы, не разворачивался, оставаясь просто «каталогом» князей (впрочем, скандинавам известен и такой жанр). Бытующие отдельно, в более или менее развернутой фольклорной форме предания нанизывались на него. Предания эти носили эпический характер и повествовали, как правило, об отдельных войнах племени (например, чехов с лучанами) или значимых событиях иного рода. Изучение русской летописной и внелетописной традиции наводит на мысль, что преобладающей формой бытования такого дружинного предания у славян являлась поэтическая. Следы поэтического оформления предания отмечены в Начальном своде применительно к родовому преданию Рюриковичей³² и в «Повести временных лет» применительно к преданию о Кие³³.

Именно этот жанр дружинной «былины», по всей вероятности, уже в реликтовой форме представляет древнейший сохра-

нившийся памятник светского эпоса на славянском языке — «Слово о полку Игореве». В случае необходимости поведать историю целого рода в сжатом объеме такие пространственные поэмы усекались, цитировались (как в русской летописи за X век). Цитаты же из них нанизывались на «родослов».

Трудно сказать, поэтический или прозаический характер носили устные тексты дуклянского двора, легшие в основу «Книги Готской». Эта сторона памятника оказалась напрочь заслонена для нас утратой славянского оригинала. Но по латинскому переложению можно видеть результат работы неизвестного славянского автора. Сложившиеся трафареты латинской хронографии затруднили Козьме и Галлу адекватное воспроизведение славянского династического эпоса. Потому Козьма воспроизвел ситуацию бытования эпоса Пржемысловичей, но не живую его форму, которую лишь два века спустя постарался реконструировать (еще и с дополнениями) писавший на чешском и в стихах Далимил. Галл же вообще отказался от описания деяний Пястов дохристианской эпохи — если и имел о том какой-то материал.

На пути сербского автора подобные препятствия не стояли. Он был, вероятно, живым носителем традиции и фиксировал ее на родном языке. Поэтому стержень у него свободно растворяется (как оно, конечно, в итоге и получалось при развернутом устном повествовании) в выборке из эпических сказаний об отдельных князьях. При этом весь корпус получил творческую обработку — прежде всего с позиций победившего христианства, в рамках воззрений которого разорение далматинского побережья уже не предстает как достойный восхваления воинский подвиг. Кроме того, еще, вероятно, на поздней стадии устного бытования в ткань древнего эпоса вплелась пришедшая из книжной полемики «готская легенда». Дав устному родослову литературное оформление, автор «Книги Готской» оказался удачным посредником между живой славянской традицией и латинским «летописцем», сохранившим до нас его труд.

В то же время не обошлось и без недочетов. Та или иная степень конфликта между древним эпосом и новой литературно-исторической традицией была неизбежна. Как часто бывает, она проявилась ярче всего в хронологическом аспекте. Для автора «Книги Готской» хронологические увязки с «внешней» историей были робкой и не слишком значимой, добавим, для основного генеалогического предания попыткой поставить его во всемирный контекст. «Готская» легенда несколько подвела его при создании отправной точки, удревнив приход славян в Далмацию до V века. Затем повествование приобретает довольно логичный с хронологической точки зрения характер и убедительно размещается в VII–IX веках. Однако после описания создания Константином-Кириллом славянской грамоты ситуация резко меняется.

С IX века перед автором оказалась неупорядоченная смесь из обрывков различных династических преданий и данных письменных источников. Они касались истории Дукли, Хорватии, Рашки, возможно, еще и других южнославянских государственных образований. С точки зрения заданной историко-политической концепции все известные древние «короли» должны были встать в ряд предков дуклянской династии. И автор справляется с этой задачей методами именно родослова, но никак не летописи. Полностью игнорируя хронологию, он попросту расставляет всех известных князей в генеалогический ряд друг за другом. Вкупе с естественными для фольклора фантастическими элементами в описании событий это нанесло непоправимый вред репутации летописи у историков Нового времени начиная с И. Лучича.

Вместе с тем популярность «Книги Готской» и ее переложение (быть может, дополненное) на латынь указывают на то, что для своего времени и своего народа автор с задачей справился достаточно хорошо. И славян, и начавших уже смешиваться с ними далматинцев форма и содержание родослова вполне устраивали, вне зависимости от его согласованности с хронологически выстроенной «большой историей». К тому же отсутствие

четких хронологических указаний и удревление славянского вторжения в Далмацию до V века теперь сослужили уже и хорошую службу, отчасти оправдывая фантастическое число поколений, прошедших с тех пор до времен создателей «Книги» и «Летописи».

Известная периферийность дуклянской традиции по отношению к новому центру государственности и новой династии в Рашке привела, однако, к тому, что данные дуклянской «летописи» и дуклянского предания остались не востребоваемы позднейшими сербскими авторами. В новом Сербском королевстве, и особенно на его развалинах с конца XIV века, мы также наблюдаем сохранение формы родослова. Она вторгается даже в житийную литературу, объединив ряд королевских житий Неманичей в целостный свод. Известный в нескольких редакциях «Сербский родослов» (Неманичей) стал затем основой для сербского летописания XV–XVIII веков. Однако у летописцев Неманичей не было ни письменных, ни устных сведений о происхождении первых поколений рода. В истории же своего народа они исходили из укрепившегося в далматинской историографии и при сербском дворе лестного представления об автохтонности сербов на Балканах. Как результат — древнейшая история сербского заселения в Иллирике была полностью подменена довольно странной генеалогической легендой о сербском происхождении древнеримского императора Лициния и о том, будто правивший Рашкой в XI веке (!) Бела Урош был его внуком или даже сыном от сестры Константина Святого³⁴. Нелепость этой легенды была очевидна уже в Средние века ряду переписчиков и редакторов как на Руси, так и в самой Сербии.

Механизм создания и источники родословной легенды Неманичей довольно любопытны, но выходят за пределы рассмотрения в настоящей работе. Ясно, что она ни в какой мере не восходит к сербской устной традиции, являясь всецело порождением книжного вымысла. Однако одно связанное с ней обстоятельство подчеркнуть следует. Консервация архаической формы родослова невольно

вела к переносу в письменную литературу характерных черт устного родового предания.

А такое предание строилось вовсе не по модели линейной хронологии, а на основе поколенного счета, и мифологические растяжения времени для предания отнюдь не необычны. Вспомним «Летопись попа Дуклянина». Для летописи в собственном смысле прямая увязка Уроша и Лициния представляла бы серьезную проблему. Но родослов, строящийся по иной схеме, проблемы не замечает. Пропуски, подмены и вставки, объединение поколений — не редкость в генеалогическом предании, и применительно к самой родословной Неманичей это демонстрируют многочисленные редакции Сербского родослова. Для такого предания оказывается неважным — был ли Урош сыном, внуком или дальним потомком Лициния. Важен сам факт привязки родоначальника знатного рода к знаковому персонажу (не столько к гонителю христиан Лицинию, сколько к его шурина и врагу Константину).

При этом автор христианского родослова ищет и находит такого персонажа в истории Церкви, не задумываясь, конечно, над тем, что его языческий предок провел бы точно такую же (и не более обоснованную) операцию с пантеоном богов и героев. Итак, архаическая схема неожиданным образом срабатывает в условиях новой культуры. Но здесь лежал и просчет создателя легенды. Константин и Лициний принадлежали не фольклору и мифологии, а реальной и писаной истории, к тому же в реальности не сербской. Родослов не мог стать единственным или основным письменным источником информации о них. Научно (на средневековом уровне) познаваемая история христианского мира естественным образом сопротивляется вторжению мифологической архаики и обличает сам мифологизм.

Сербская традиция дает нам вариант бытования и отражения устной традиции о «дописьменном» и дохристианском периоде истории, принципиально отличный от соседней и, казалось бы, родственной болгарской. В Болгарии временная утрата государ-

ственной самостоятельности в XI веке привела к умиранию дружинно-аристократического родового предания (к тому же здесь — неславянского происхождения). Последующие авторы имели дело с народными топонимическими преданиями и вынуждены были «нанизывать» их на чуждую им схему — будь то апокрифического «сказания» («Сказание Исаяе пророка») или византийской хронографии (заметки при Хронике Манассии). В Сербии, напротив, имел место прямой перенос жанра родового предания («родослова») в письменную литературу. При этом переносе перед автором вставали лишь задачи демифологизации и циклизации преданий, с которыми он в случае с «Летописью попа Дуклянина» по-своему справился. При этом циклизация происходила без помощи чуждого традици инструментария ученой литературы (скажем, хронологической шкалы «от сотворения») и основывалась на потенциале и обычных приемах самого предания. Но, оказавшись оторванной от живой народной традиции, будучи вынужденной возмещать пробелы родослова за счет сведений из ученой литературы, сербская средневековая историография заходила в тупик абсурдного мифологизирования — как видно на примере легенды о происхождении Неманичей.

Самая богатая, в том числе историческими сочинениями, из средневековых славянских литератур — древнерусская — занимает в этом смысле промежуточное положение. С одной стороны, русские летописцы давали связную и неизбежно (при скудости внешних источников) оригинальную картину прошлого своей страны. С другой стороны, они нанизывали элементы этой картины на сетку византийской хронографии, обращая даже полные фольклорных элементов предания о ранних Рюриковичах в «летопись».

Далее, родовое предание (Рюриковичей) на Руси, естественно, сохранилось и могло в XI–XII веках использоваться историками. Однако это было, несомненно, родовое предание несколько иного типа, складывавшееся уже в IX–X веках, в условиях христианизации и к тому же зарождения письменной

культуры. С этим связано естественное, хотя подчас и более чем парадоксальное, переплетение в нем христианских и языческих элементов. Как пример — умаление характерного для древнейших разделов дуклянского родослова или, скажем, для русской же народной былины о Волхе Всеславьевиче дружинно-воинского завоевательного пафоса.

Более ранние и более «чистые» образцы родового эпоса могли восприниматься в эпоху Рюриковичей лишь как вводные, «додинастические». Поэтому перед русским летописцем вставала в древнейшей части повествования задача прежде всего циклизации обширного рассыпающегося материала «додинастической» традиции. Он не мог позволить себе ограничиться, как «Дуклянин» или Козьма Пращский, рамками придворного предания — хотя автор Начального свода в XI веке, возможно, пытался идти по этому пути. В итоге в русском летописании уже на раннем этапе его развития отразилось все разнообразие преданий о дописьменной эпохе — от «вводных» к династическому преданию, имеющих в целом вполне «аристократический» облик, до народных топонимических сюжетов. В этом богатстве — его исключительная ценность для современного исследователя. Но обращение к материалу южнославянской исторической традиции Средневековья позволяет нам яснее увидеть те архаичные структуры, которые лежали в основе в том числе и русского летописания.

¹ Факсимиле см.: *Летопис попа Дуклянина*. Титоград, 1967. С. 124 и след.

² Шишић Ф. *Летопис попа Дуклянина*. Београд; Загреб, 1928. С. 179–180.

³ *Летопис*. С. 8–10.

⁴ *Il regno degli Slavi oggi corrotamente detti Sclavoni*. Pesaro, 1601. P. 205–239.

⁵ Lucius J. *De regno Dalmatiae et Croatiae*. Amsterdam, 1668.

⁶ *Летопис*. С. 15.

⁷ Schwandtner J. G. *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vienn, 1749. L. III. P. 486–524; Crncić I. *Popa Dukljanina ljetopis po latinsku i toga neko-liko i jos nesto po hrvatsku*. Kraljevica, 1874.

- ⁸ Суботич Ј. Дукљанског пресвитера краљевство Славена // Летопис Матице Српске. Кн. 88. Будим, 1853. С. 1-86.
- ⁹ Arkiv za povjesnicu Jugoslavensku. Zagreb, 1851. S. 1-57.
- ¹⁰ Годишник XV Српске Кролевске Академије. Београд, 1902. С. 220-226.
- ¹¹ Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Београд: Загреб, 1928.
- ¹² Шишић Ф. Летопис. С. 185 и след.
- ¹³ Шишић Ф. Летопис. С. 107.
- ¹⁴ Шишић Ф. Летопис. С. 136, 161-162, 421.
- ¹⁵ Шишић Ф. Летопис. С. 33-45, 164-184.
- ¹⁶ Medini M. Kako je postao Ljetopis pora Dukuljanina // Rad JAZU. Zagreb. Кн. 273. S. 113-156.
- ¹⁷ Ljetopis pora Dukljanina. Zagreb, 1950.
- ¹⁸ Ljetopis. S. 25.
- ¹⁹ Ljetopis. S. 17, 33-34.
- ²⁰ Летопис попа Дукљанина. Титоград, 1967.
- ²¹ Летопис. С. 104-108.
- ²³ Летопис. С. 108-109.
- ²³ Летопис. С. 112-114.
- ²⁴ Банашевић Н. Летопис попа Дукљанина и народна предања. Београд, 1971.
- ²⁵ Богдановић Д. Стара српска књижевност. С. 127.
- ²⁶ Алексеев С. В. Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005. С. 58 и след.; Алексеев С. В. «Летопись попа Дуклянина» и другие источники о славянском завоевании Далмации // Историческое обозрение. Вып. 7. М., 2006. С. 4.
- ²⁷ Алексеев С. В. «Летопись попа Дуклянина». С. 4-28.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 162-163, 465-466.
- ²⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 2. Стб. 1-2.
- ³⁰ Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских // Славянские хроники. М., 1996. С. 332-333.
- ³¹ Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 36 и след.
- ³² Начальная летопись. М., 1999. С. 127-128.
- ³³ Алексеев С. В. Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. С. 170.
- ³⁴ Стоянович Л. Стары српски родослови и летописи. Београд, 1927. С. 7-16, 44-46, 53, 57-58, 177, 184-185, 197.